

Цюань Цянь с надеждой смотрел на Е Нина; радость на его лице в одно мгновение сменилась глубокой печалью.

— Я тоже люблю заниматься кухней, готовить и подавать блюда. У моей семьи в уездном городе есть собственный ресторан, я думал, отец с матерью одобряют, что я стану учиться этому ремеслу, а вышло...

Он горько усмехнулся.

— Они считают, что это пустое занятие, мол, я только и делаю, что вожусь с разной всячиной. Говорят, гер должен сидеть дома, учиться, как служить мужу и воспитывать детей, а после найти себе достойную семью, а не суетиться тут и там.

Говоря это, Цюань Цянь тяжело вздохнул. Было видно, что он человек чрезвычайно тонкий и чувствительный; с детства взлелеянный, выросший в богатом доме, не знавший нужды ни в пище, ни в одежде, но воспитанный в строгости. Его родители, должно быть, привыкли, чтобы их слово было законом, а самому Цюань Цяню недоставало смелости возразить.

— У нас ведь свой ресторан, — продолжил он, — как же это может считаться «разной всячиной»? Почему другим дозволено становиться к плите, а мне нет? Быть может, если бы я готовил, у меня вышло бы даже лучше, чем у них...

Говоря и говоря, он внезапно осознал, что позволил себе лишнее, и поспешно опустил голову:

— Простите, я сказал слишком много.

Е Нин, который до сих пор молчал, наконец произнёс:

— У каждого есть право кормить себя собственным трудом.

Глаза Цюань Цяня озарились светом. С первого раза он не вполне понял смысл этих слов, но, вслушавшись и обдумав их, почувствовал, как лёгкая, будто бы небрежно брошенная фраза Е Нина всколыхнула самые глубины его сердца, подняв в нём волну, подобную бушующему морю. Е Нин высказал то, что за все эти годы Цюань Цянь ни разу не осмеливался ни произнести вслух, ни даже помыслить.

— Правда? Нин-гер, ты и в самом деле так считаешь? — нерешительно спросил он.

Е Нин кивнул:

— Разумеется. Кто бы это ни был, юноша или гер, мужчина или женщина, - всякий способен прокормить себя собственными силами. Почему же непременно нужно зависеть от других и

искать в них опору?

Служанки и слуги семьи Цзян повидали немало и считались людьми с опытом, повидавшими свет, однако, услышав слова Е Нина, хоть и не осмелились проявить это на лице, в душе изумлённо цокнули языками.

Этот Нин-гер уж больно дерзок в словах. Если гер и женщины не будут опираться на мужчин, что же им тогда делать? С древних времён им надлежало оставаться дома, служить мужу и воспитывать детей; где это видано, чтобы они целыми днями бегали вне дома? Разве это не значит заниматься неподобающим делом?

Старшая госпожа семьи Цзян была женщиной просвещённой. Она родилась в семье ученых, с детства училась вместе с отцом и старшими братьями. Услышав слова Е Нина, она невольно расширила глаза и несколько раз пристально на него посмотрела. В юности и у неё самой сердце стремилось к вольному простору, однако в конце концов она не смогла противостоять устоям этого мира: вышла замуж и стала ведать внутренним хозяйством. К счастью, в семье мужа к ней относились с добротой, а свёкор был просвещённым конфуцианским учёным, это и впрямь было великой удачей.

Старшая госпожа улыбалась, нисколько не собираясь пресекать разговор, напротив, слушала с живым интересом.

Цюань Цянь же и вовсе посмотрел на Е Нина иными глазами и взволнованно произнёс:

— Е Нин, ты поистине удивителен! Вчера, если бы не ты, кто знает, что бы со мной случилось. Ты - гер, а ведь даже случись тогда проходить мимо какому-нибудь мужчине, ещё не факт, что он протянул бы мне руку помощи! А сегодня ты говоришь такие слова - о таком я и помыслить не смел!

В порыве чувств он и не заметил стоявшего рядом Цзян Чансиня, едва не забыв, что приехал сюда на смотрины к младшему господину семьи Цзян.

По одну сторону от Е Нина стоял Цзян Чансинь, по другую - старшая госпожа; Цюань Цянь, вклинившийся между ними, говорил без умолку и, кажется, сам устал, потому, подняв голову, добавил:

— Не могли бы мы... поставить сюда ещё один стул? У меня осталось много слов, которые я хотел бы сказать Е Нину.

Цзян Чансинь: «...»

За всю трапезу Цзян Чансинь, нарушив привычное, впервые съел целый маньтоу с ферментированным тофу; старшая госпожа, увидев, что сын принялся за еду, улыбалась так,

что не могла сомкнуть губ, а заметив, как весело беседуют Е Нин и Цюань Цянь, радовалась ещё больше.

По окончании трапезы вошли служанки и убрали со стола остатки блюд; все покинули обеденный зал и перешли в соседнюю чайную комнату. Несколько маленьких служанок сообща внесли чайный столик; на нём были разложены изящные сезонные плоды, охлаждённые льдом, какого в деревне Цинтянь в обычные дни и не увидишь. От фруктов поднимался лёгкий холодный пар, и одного взгляда на них было достаточно, чтобы почувствовать прохладу.

Служанки подали душистый чай и чинно отступили в сторону, обмахивая присутствующих веерами.

Старшая госпожа семьи Цзян подняла руку, и одна из служанок тотчас выступила вперёд, поднеся к Е Нину две деревянные шкатулки. Первая была открыта - внутри лежали деньги.

— Это благодарственный дар. Спасибо тебе за то, что спас моего племянника.

Е Нин слегка нахмурился: вчера он пришёл на помощь Цюань Цяню вовсе не потому, что знал о его происхождении, а лишь потому, что не мог стерпеть, как старший сын семьи Чжоу измывается над слабым и заискивает перед сильным; ему просто хотелось проучить Чжоу Даху.

Он уже собирался отказаться, как старшая госпожа опередила его и с улыбкой сказала:

— Не спеши отказываться. Вчера при твоих родителях я сказала, что должна отблагодарить тебя, потому и увела тебя с собой. Если сегодня ты вернёшься с пустыми руками, что это будет значить? К тому же это по праву твоё. Если бы ты не вступился, Чжоу Даху не удалось бы связать и отправить в управу. Ты ведь сделал доброе дело для всей деревни Цинтянь.

Е Нин немного подумал и кивнул:

— Благодарю вас, госпожа Цзян. Тогда я приму это.

Старшая госпожа улыбнулась:

— Не спеши благодарить, есть ещё один дар. Я специально подыскивала его для тебя.

Служанка открыла вторую шкатулку, и оттуда тихо разлился густой аромат - не запах еды, но в то же время будто бы сродни ему. Е Нин, казалось, удивился даже больше, чем при виде денег: он чуть расширил глаза, и в его обычно спокойном, лишённом явных чувств взоре засверкали искорки радости.

— Это... пряности? — с удивлением спросил он.

Во второй шкатулке действительно лежали различные специи и приправы для готовки, которые старшая госпожа специально разыскала для Е Нина.

— Ну как? Нравится? — спросила она.

Е Нин не стал жеманиться и кивнул.

Старшая госпожа продолжила:

— Я знаю, что ты открыл лапшичную лавку, однако многие пряности для кухни в деревне Цинтянь на рынке не достать, за ними нужно ехать в город. К счастью, в наших кладовых кое-что осталось... Ты ведь понимаешь, я обычно не могу есть блюда с пряностями, всё это для меня только портится, приходится выбрасывать. Так что хранить их у нас без пользы, всё равно что впустую губить добро. Я велела служанке взять жетон и получить часть из кладовой.

— Если используешь их с толком, приходи ко мне за добавкой.

На этот раз Е Нин больше не стал отказываться; было видно, что он искренне рад, и он открыто сказал:

— Благодарю вас, госпожа Цзян. Когда приготовлю что-нибудь с этими пряностями, первым делом принесу вам отведать.

Старшая госпожа легко хлопнула в ладони:

— Вот и прекрасно, значит, и мне выпадет счастье полакомиться.

Цзян Чансинь смотрел, как они смеются и переговариваются, как звучит весёлый смех; и Цюань Цянь, и его мать находили с Е Нином общие темы для разговора, только он один...

Цзян Чансинь всё это время сидел - сидел неподвижно, словно в оцепенении.

Побеседовав ещё немного со старшей госпожой, Е Нин поднялся, чтобы проститься:

— Вчера я причинил вам немало хлопот, теперь позвольте откланяться.

— Какие же это хлопоты? — ответила старшая госпожа. — Я только рада, что ты пришёл...

Говоря это, она бросила взгляд на Цзян Чансиня и подала ему знак глазами, надеясь, что он проводит Е Нина, так у них будет возможность пообщаться подольше. Но тут же подумала: ум её сына не вполне ясен, какой прок подавать ему знаки - всё равно что играть на лютне перед коровой.

Старшая госпожа вздохнула и уже собиралась заговорить, как Цзян Чансинь опередил её:

— Я провожу Е Нина!

Старшая госпожа вытаращила глаза, поражённая до глубины души: неужто её сын и впрямь прозрел разумом, да ещё и... поумнел?

Откуда ей было знать, что Цзян Чансинь не «прозрел», а переродился, и давно уже не был тем простодушным сыном, который только и умел глуповато хихикать.

Сам Цзян Чансинь именно так и намеревался поступить - проводить Е Нина до дома и по дороге понемногу сблизиться с ним. Но кто бы мог подумать, что Чжан Чжюань вдруг поднимется и скажет:

— Как можно утруждать молодого господина? Позвольте лучше мне проводить Е Нина.

Цзян Чансинь и без того знал, что этот Чжан Чжюань, горячая голова, непременно вмешается, потому махнул рукой и коротко бросил:

— На работу, на работу.

Сегодня как раз был день, когда Чжан Чжюань приступал к службе в доме Цзян; по правилам ему нельзя было самовольно отлучаться. Тот вдруг всё понял, хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Ай-я, вот незадача! Тогда я не смогу проводить Е Нина.

Цзян Чансинь едва заметно перевёл дух, но только прорубившихся с полпути Чэн Яоцзиней* оказалось ни много ни мало - двое.

(ПП: Чэн Яоцзинь - реальный полководец ранней династии Тан, но также герой романов «Сказание о династии Суй и Тан». Там он полумифический, грубоватый, невероятно везучий вояка, вооружённый огромной секирой. Он всегда появляется внезапно, из засады, в самый критический момент, и переворачивает ход битвы)

Цюань Цянь поднялся и оживлённо сказал:

— Тётушка, я провожу Е Нина! Я ведь только что прибыл в деревню Цинтянь и ещё не видел её окрестностей. Как раз прогуляюсь и попрошу Е Нина быть моим проводником.

Е Нин посмотрел сначала на Чжан Чжиюаня, затем на Цюань Цяня; оба проявляли чрезмерное рвение. К тому же дорогу домой он прекрасно знал и без провожатых, потому сказал:

— Право, не стоит никому утруждаться. Я и сам дойду, провожать не нужно.

Цзян Чансинь: «...»

<http://bllate.org/book/15118/1423036>